

Русский Гуманитарный Интернет Университет

**БИБЛИОТЕКА
УЧЕБНОЙ И НАУЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

WWW.I-U.RU

В. В. Танчер, В. С. Казаков

Технологии регуляции конфликтов: исторический характер, параметры консенсуса // Современная конфликтология в контексте культуры мира. Москва, 2001. СС. 52-58.

Общим недостатком современной социологии конфликта является ее слабое методологическое обоснование. Это, по нашему мнению, проявляется, во-первых, в излишней абстрактности как концепций и идей, ее составляющих, так и их категориально-понятийного аппарата. То есть в чрезмерной отдаленности от специфического контекста конкретной действительности, реальной ситуации, в рамках которой разворачивается конфликт. Речь прежде всего идет о недооценке влияния национальных, исторических и особенно культурных особенностей среды протекания конфликтов. Во-вторых, это проступает в слабой связи с новейшими идеями и выводами современной социологии и других социальных наук, в частности, с положениями теорий модернизации, феноменологии, постструктурализма, постмодернистских подходов и т.п. В-третьих, недооценивается исторический характер социального конфликта: исторический характер его причин, условий, механизма развертывания, форм проявления, социальных последствий, разрешения и, в том числе, технологий регуляции. То есть не учитываются принципиальные качественные различия происходящих конфликтов по перечисленным параметрам в зависимости от специфики времени, исторической эпохи протекания или этапа развития общества.

Можно утверждать, что каждой исторической эпохе присущ свой «типичный конфликт» (своего рода идеальный тип в веберовском смысле), основанный на определенном организующем его принципе. В «традиционном» обществе таким принципом является насилие, суть его проявляется в перераспределении властных полномочий с помощью силы, поэтому основные формы конфликта – бунт, мятеж, восстание, война. Его разрешение происходит насильственным путем, через «уничтожение» противника и достижение «полной и безоговорочной победы».

В модернизированном «индустриальном» обществе на первых его фазах главенствует этот же принцип насилия, но постепенно он уступает место другому – поиску консенсуса или компромисса, базирующихся на общей материальной заинтересованности конфликтующих сторон. Основная его причина – перераспределение капитала (в любой его форме), являющегося основным дефицитным ресурсом производства. Отсюда изменение формы проявления конфликта: бунт и мятеж имеют тенденцию перерастать в демонстрацию и забастовку, восстание – в голосование на выборах, межличностные конфликты переносятся в здание суда, и т. д. Разрешение такого рода конфликтов происходит посредством достижения соглашения при помощи законов (в конечном итоге также являющихся результатом консенсуса) под контролем и при помощи арбитража государства.

В «информационном», в значительной степени обусловленном «постмодерном» обществе на первых его фазах господствует диссенсус, но он, вероятно, постепенно будет вытесняться практиками переубеждения, формирования устойчивого мнения субъекта о выгоде и предпочтительности для него той линии поведения, которую определяет и требует от него общество, трансформирующаяся «жизненная среда», культурные императивы и конкретные обстоятельства. Можно предположить, что основная причина возможных конфликтов – распределение и доступность пользования информационными ресурсами и компьютерными технологиями. Соответственно, такие конфликты должны разрешаться и регулироваться автоматически, хотя и под контролем общества.

Иначе говоря, следует исходить из того, что адекватная и успешная технология регуляции актуальных конфликтов, отталкиваясь от анализа их исторического характера, должна базироваться на ряде теоретических положений. Думается, можно выделить следующие.

Во-первых, разрешение конфликтов силовыми методами в современном обществе, все еще являясь «реальностью», представляет собой «прошлое». В наше время технология, основанная на насилии, редко приводит к урегулированию конфликтов: это, скорее,

исключение. Она лишь может временно «заморозить», отстрочить его, создать видимость разрешения, в действительности усугубляя и ожесточая противостояние. Следовательно использование силы в нынешних условиях и в историческом времени является бесперспективным.

Во-вторых, разрешение настоящих конфликтов не может происходить автоматически, они не урегулируются сами по себе, их нельзя «пускать на самотек», необходимо активное вмешательство социальных акторов, контроль над их протеканием, организация их регуляции, причем не только со стороны общества, ценностно-нормативной его основы, но пока еще и со стороны государства, его институтов.

В-третьих, технология регуляции конфликтов в «наше время» должна базироваться на поиске консенсуса, исходить из необходимости и даже неизбежности достижения между конфликтующими субъектами соглашения в правовом поле, в рамках действующих культурных установок и ритуалов, также являющихся конвенциональными (консенсусными). Для этого необходимо наличие ряда условий: а) создание устойчивого стабильного правового поля, четкой правовой регламентации тех сфер деятельности, где возможны конфликты. Законы, особенно Конституция, должны детально прорабатываться и приниматься с учетом перспективы, с целью их долгосрочного функционирования. То есть реальная и эффективная технология регуляции конфликтов, основанная на консенсусе, не может быть разработана без стабильного правового фундамента, его отсутствие или постоянное «перекраивание» превращают технологию разрешения конфликтов в рискованную игру. С другой стороны, законы должны быть легитимными, отражать волю общества, приниматься с его согласия, чтобы люди были убеждены и уверены, что они отражают, выражают интересы и соответствуют им, защищают их. Закон должен быть не просто легальным, а легитимным, быть консенсусом; б) необходимо институционализировать принцип верховенства Закона не на словах, а на деле: фактически, он должен реально и тотально соблюдаться всеми и всегда. Любое нарушение закона, особенно со стороны органов исполнительной власти и ее представителей недопустимо, их деятельность должна быть поставлена под гласный контроль институтов гражданского общества. Для этого многие организации и ассоциации, например, профсоюзы, политические творческие союзы и т. п. должны перестать ассоциироваться как часть государственного аппарата, особенно исполнительной власти. То есть необходимо реально существующее и полнокровно функционирующее гражданское общество. Его наличие, в частности, – действенный систематический контроль над аппаратом государства, – превращают консенсус из акта-факта принятия закона, в процесс-контроль за его соблюдением. Консенсус, а не закон должен постоянно корректироваться, уточняться, детализироваться. Нарушение закона, его несоблюдение кем-либо ведет к подрыву консенсуса. Последний же из частичного, например, базового или конституционного, должен стремиться стать полным, всеохватывающим.

Несоблюдение этих условий препятствует достижению консенсуса и открывает возможности использования конфликтующими силовых методов и средств, то есть они возвращаются к прошлым моделям и средствам регуляции конфликтов. Это зачастую и наблюдается в постсоветских государствах: силой разгоняются законодательные органы, принятые Конституции через короткий срок нуждаются если не в пересмотре, то в корректировке, многие законоположения «не работают», игнорируются и т.д. Однако реальное «прошлое» в «настоящем» – не настоящее «прошлое»: оно не может быть тем, каким было ранее. Успешное и эффективное использование насилия для разрешения конфликтов, имевшее место в прошлом, не означает его успешности и эффективности сегодня. Отсюда вытекает, что технология урегулирования конфликтов, основанная на насилии, всевластии исполнительных и административных органов, должна быть пересмотрена и радикально модифицирована.

С другой стороны, трудно не замечать, что поиск выхода из кризисной, потенциально конфликтной ситуации часто эффективнее на базе использования силовых методов, при

опоре на режимы «просвещенного авторитаризма». Кроме того, во многих постсоветских государствах существуют социальные силы, не желающие достижения консенсуса, заключения какого-либо компромисса, нередко игнорирующие закон, провоцирующие конфликт с государством, в котором они стремятся достичь своих целей, используя насилие. Представляется, что регулирование такого конфликта без применения методов «прошлого» невозможно, однако, следует еще раз подчеркнуть, что они должны быть модифицированы с учетом «настоящего». Силловые методы должны применяться только от имени государства и легитимизироваться как «последний довод», когда иного пути нет, после попыток достижения консенсуса и компромисса. Сами методы не должны носить провокационного характера и быть адекватными. Лица, осуществляющие силовые акции, должны нести персональную ответственность за все свои конкретные действия.

Вместе с тем, разработка технологии регуляции конфликтов настоящего времени во многом зависит от установления сущностных, действительных их причин. Следует отметить, что в современной научной литературе, посвященной исследованию конфликта, в различных интерпретациях утвердилось положение, согласно которому социальные конфликты имеют три основные группы причин, которые можно условно называть «триадой». Так, в учебном пособии А. Г. Здравомыслова «Социология конфликта» ее автор утверждает: основная аналитическая схема изучения конфликтов основана на выделении в составе причин развертывания конфликтов потребностей, интересов и ценностей. Соответственно конфликт подразделяется автором на три основные группы: конфликты по поводу жизненных средств, конфликты как столкновения интересов и ценностные конфликты. Собственно, это конфликты из-за ресурсов (в их любой форме, будь-то капитал или информация), по поводу власти и в силу противостояния духовно-идеологических ценностей (культурно-религиозные, стили жизни, вкусовые предпочтения и т.д.).

Несмотря на распространенность и признаваемость вышеприведенная «триада» имеет определенные недостатки. Во-первых, она слишком абстрактна и, в силу этого, – односторонняя и схематична. Использование в исследовании только ее не может полностью раскрыть и объяснить сущность происходящих конфликтов, во многом упрощает и схематизирует их понимание. Не может она обеспечить и разработку адекватной технологии регуляции конфликтов. Ее применение должно быть дополнено создаваемыми на ее базе концепциями причинности конкретных конфликтов. Она имеет скорее методологическую, чем объяснительную функцию. Во-вторых, она не охватывает наиболее всеобщие причины конфликтов, оставляя вне своего внимания, например, биосоциальные факторы человеческого поведения. В-третьих, – пожалуй, самое существенное: она имеет внеисторический характер. В такой плоскости причины конфликтов, по существу, оказываются внеисторическими.

В истории и теории социальной мысли многие исследователи, признавая «триаду», пытались установить иные, дополнительные и не входящие в нее, причины социальных конфликтов. Другие, подвергая ее сомнению, создавали оригинальные концепции и объясняли происхождение конфликтов весьма специфическими причинами.

Так, анализируя теоретическое наследие Н. Макиавелли, можно прийти к выводу, что, по его мнению, причиной социального конфликта и фактором, влияющим на структуру, механизм его развертывания может оказаться несоответствие (неадекватность, нарушение принципа соответствия) методов и средств управления государством, обществом их организационно-технологической структуре, то есть логическим соотношениям уровней управления и функциональных областей. Или иначе: конфликт – это порождение несоответствия методов и средств управления структуре данной социальной системы, что нетождественно борьбе за власть или перераспределение властных полномочий. Т. Гоббс в свое время писал о не входящей в «триаду» причине конфликтов – о человеческих инстинктах, не всегда осознаваемых и контролируемых, но побуждающих совершать те или иные агрессивные действия. Речь об определенной совокупности психологических процессов, состояний, не представленных в сознании индивида, к которым относятся не

только инстинкты, но и стереотипы поведения, операционные установки, вызывающие автоматизированное поведение, протекающее вне его контроля и не подвергаемое рефлексивной оценке. Идеи одного из основоположников социологии О. Конта также не совпадают с основными положениями «триады». Во-первых, он пишет о «плохом управлении» как одной из основных причин социального конфликта, указывает на взаимосвязь и взаимозависимость таких социальных феноменов как управление и конфликт. Во-вторых, дефицит материальных Ресурсов не является для него одной из основных причин конфликтов, он лишь предмет второстепенного и временного разногласия, которое может быть устранено или нейтрализовано. То есть сам конфликт не представляет собой некую неизбежность, фатальную предопределенность и зависит от поведения человека. Анализируя осуществленное Дюркгеймом исследование эгоистического самоубийства, можно сделать вывод: ослабление или нарушение взаимоотношений личности с обществом или социальной группой, в силу потери ими социальной сплоченности на базе крайнего индивидуализма и эгоизма личности, то есть ослабление степени ее самоотождествления с ними и их субъективно-экзистен-циональная оценка ею – являются причинами эгоистического самоубийства (а в более широком плане – преступления и других форм асоциального поведения) как формы проявления конфликта личности с обществом или социальной группой. При этом сам индивид, которого тревожат, мучают экзистенциаль-ные переживания и страхи, может не осознавать, что первоосновой нарушения им социальных норм (конфликтные действия) является ослабление его связей с обществом, ослабление степени его идентификации с ним или с основными структурообразующими это общество социальными группами вследствие утраты в обществе социальной сплоченности.

Принимая во внимание возможность порождения социальных конфликтов «внетриадными» причинами, а также исходя из первоначально изложенных положений, можно предположить, что в настоящее время конфликт по поводу перераспределения властных полномочий между ветвями власти, политическими партиями или социальными группами, являясь «реальностью», представляет собой лишь «прошрое», а его актуальность, вероятно, мнимая. Он, скорее всего, представляет собой лишь форму или является производным от конфликта по поводу перераспределения материальных ресурсов, капитала, информации или от конфликта, порожденного несоответствием методов и средств управления структуре социальной системы, государственного и общественного устройства.

В современных условиях необходимо реально существующее и полнокровно функционирующее гражданское общество, которое бы контролировало все ветви власти, а последние бы отказались от авторитарных и административных средств управления. Несмотря на все декларации и заявления, трудно признать, что почти во всех государствах СНГ уже существует гражданское общество, а все ветви власти отказались от административных методов управления. Однако, отдельно появляющиеся элементы гражданского общества, в каком бы состоянии развития они ни были, а еще более – все усиливающаяся тенденция их возникновения не могут не вступать в конфликт со сложившимися институтами государства, интересами отдельных социальных групп, пытающихся использовать старые административные методы управления.

Этот конфликт, который можно определить как организационно-технологический, возникает не просто в государстве, а в обществе, во всей социальной системе вследствие изменения пропорциональных соотношений между ее структурными элементами: производительными силами, производственными отношениями, культурой, политической системой, количеством населения и т. д. Все остальные виды или типы конфликтов, как бы мы их не называли: классовый, цивилизационный, межэтнический, межгосударственный, национальный и т. д., – лишь его производные. В зависимости от исторического времени, национальных, культурных и иных специфических условий, уровня развития и организованности субъектов, степени или осознания сущности этого конфликта он может принимать самые различные формы, иметь разные механизмы своего протекания и

социальные последствия. Он может трансформироваться в целую совокупность различного рода и типа конкретных конфликтов, которые могут осознаваться и не осознаваться, в них могут принимать участие значительные массы населения.

Отстраненность, отчуждение основной массы граждан от протекающего в обществе конфликта приводит к тому, что их недовольство, социальный протест, с одной стороны, приобретают бессознательный характер а, с другой. – смещаются с макро- на мезо- и микроуровень. Происходит своеобразная «приватизация» социального конфликта, он приобретает индивидуальные формы: самоубийство, убийство, употребление алкоголя или наркотиков, совершение краж, грабежей, разбоев и т. д. Они приобретают повсеместный, массовый, то есть тотальный характер. Их основная причина – бессознательная «пассивная агрессивность», бессознательный отказ от правовых, нравственных и культурных норм поведения, бессознательный отказ практически от любых форм консенсуса, существовавших в обществе. Это порождает тенденцию к воссозданию ситуации «войны всех против всех», в которой «все дозволено», что представляет собой уже конфликт личности и общества.

Отсюда представляется, что наиболее опасным и деструктивным для государства и общества является конфликт не на макроуровне между различными ветвями власти, политическими партиями, социальными группами по поводу распределения властных полномочий или материальных ресурсов, а конфликт на микроуровне между личностью и государством, между личностью и обществом. Если он приобретает массовый тотальный характер, то необходимо уже говорить не просто о государственной или национальной безопасности, а о безопасности социальной. В силу этого все государственные и социальные институты, (политические партии, общественные организации, профсоюзы, правительство, органы правопорядка здравоохранения, образования и т. д.), как поддерживающие власть, так и находящиеся в оппозиции, должны совместными усилиями попытаться разрешить или хотя бы локализовать распространение этого конфликта.

Из изложенного вытекает ряд методологических принципов или положений для разработки технологии регулирования конфликтов. Во-первых, необходимо осознать, что доминирующий в странах СНГ конфликт представляет собой не борьбу за власть тех или иных политических партий, социальных групп, а скорее является борьбой за перераспределение материальных ресурсов. Но какая бы социальная сила ни «победила» в конкретном столкновении (например, на выборах), конфликт не будет разрешен, пока средства и методы управления государством и обществом не будут приведены в соответствие с их организационно-технологической структурой. Иначе говоря, – пока не сформируется настоящее гражданское общество. Но этому мешает инертность и «агрессивная пассивность» граждан, в ходе которой происходит не просто маргинализация и криминализация личности, но и тотальная десоциализация и дегуманизация. Поэтому, во-вторых, необходимо как оппозиции, так и самим органам власти, разъяснять массам их интересы, сущность, механизм протекания существующих в обществе конфликтов, в которых они выступают в качестве одной из противоборствующих сторон, и даже принять меры, способствующие их самоорганизации, чтобы перевести конфликт с микро- на макроуровень, что создало бы более благоприятные условия для его разрешения или локализации. То есть, по существу, – осуществить манифестирование и институционализацию конфликта, его легализацию.

Важным условием этого, в-третьих, является установление отношений доверия между властью и массами, легитимизация в глазах населения государственных институтов, их политики и конкретных действий, ими осуществляемых.

Перечисленное представляет собой своего рода принципы, определяющие технологию регуляции конфликтов в наше время.